

Владимир БЕЗХОДАРНОВ

ВОКРУГ ЗАБЫТЫХ ПАМЯТНИКОВ ПУШКИНУ

Поэт в России – больше, чем поэт.

Евг. Евтушенко

Не следует ли приведённое в этом эпиграфе утверждение прежде всего отнести к Александру Сергеевичу Пушкину, ибо куда уж «*больше*», если с подачи Аполлона Григорьева он утверждён в общественном сознании как «*наше всё*». Конечно, кто-то может и усомниться в правомерности и в серьёзности этого утверждения. Но если посмотреть пошире на всё его творчество, на самую личность его, всесторонне уже освещённую, вместе с её окружением, а ещё и на истории многочисленных ему посвящённых памятников, то действительно разворачивается обширная картина развития истории нашей страны и её культуры за последние несколько эпох.

Как ни странно, но после гибели А. С. Пушкина почти пятьдесят лет не было ему ни одного памятника в России. Хотя всенародная известность и почитание поэта, конечно же, были, то есть сбылось его пророческое «...и назовёт меня всяк сущий в ней язык». Но первый памятник появился лишь в 1880 году, в Москве, где поэт родился. Спихватились-то об этом, конечно, пораньше: аж за пять лет до того был проведён конкурс на лучший проект монумента. Выиграл конкурс скульптор А. М. Опекушин, который и создал общеизвестный теперь памятник Пушкину на одноимённой ему площади в нашей столице (тогда это была Страстная площадь у Тверских ворот). Затем уже, в 1884 году, появился памятник Александру Сергеевичу и в Санкт-Петербурге, в сквере на Пушкинской (тогда – Компанейской) улице, изготовленный по проекту того же А. М. Опекушина.

Удивительно, что так долго российский официоз и всё общество как бы не замечали или заслонялись от слишком яркого сияния «солнца русской поэзии», обходясь как-то лишь авторским «нерукотворным» его памятником. Возможно, такое непочтение общества к памяти литературного гения можно объяснить усмотренной многими амбициозностью самовоздвигнутого нерукотворного памятника (хотя сам Пушкин не публиковал этого стихотворения, оно обнаружилось в его черновиках). Возможно, достойному запечатлению великого поэта в бронзе или в камне подспудно препятствовало и особое отношение царствующего дома в лице Николая I к поэту, на что, в частности, указывает и нижеследующая история с первым материальным знаком почитания поэта.

Первый, хотя и посвящённый в неясном виде, но весьма весомый материальный памятный знак в честь Пушкина в России появился на месте рождения его как поэта, причём почти сразу после первого выпуска лицеистов,

состоявшегося в июне 1817 года. А уже в августе пятеро друзей А. Пушкина (**А. Дельвиг, А. Илличевский, В. Кюхельбекер, И. Матюшкин и И. Пущин**), с согласия директора **Е. А. Энгельгардта**, уговорили искусного камнетёса обработать мраморную глыбу; окантовав её ковкой, мастер высек два слова: «genio loci» («гению места»), и позолотил их. Эту глыбу тайком доставили к лицейскому флигелю и установили среди берёзок на холмике. Так ко дню ангела Пушкина (12 августа по старому стилю день св. Александра) друзья решили, в духе римской античности, оставить напоминание всем будущим лицеистам о том, что здесь расцветал гений их друга. Со временем камень покрылся мхом, и когда Лицей уже превратился в военное учебное заведение, его начальник генерал-майор **Д. Б. Броневский** предложил лицеистам привести этот памятный знак в надлежащее состояние, что и было сделано. Царь (Николай I) за это высказал генералу своё неудовольствие, но «камень» всё же остался на месте. В 1844 году Лицей из Царского Села был переведён на Каменноостровский проспект в Петербург. Перевезли и «камень», лицеисты установили его в садике на постаменте из глазурованного кирпича. Но после посещения Лицея царём «камень» таинственно исчез вместе с постаментом.

Такой необычный, не персонифицированный в явном виде памятник Пушкину интересен не только своей символичностью и историей появления, но и тем, что именно ближайшие друзья поэта первыми запечатали в мраморе золотыми буквами: «гению», увидев в своём юном друге будущую славу России. И совсем не случайно, что среди первых инициаторов материализации памяти о Пушкине был сын томского губернатора Алексей Илличевский. Ведь он был первым соперником, но и почитателем начинающего поэта Александра Пушкина, первое юношеское произведение которого «Песня» было исправлено и закончено именно Илличевским.

В явном же виде самый первый в мире памятник Пушкину появился отнюдь не в России, а в Италии. В том же 1837 году, как только весть о гибели поэта достигла Вечного города, друг Пушкина княгиня **Зинаида Александровна Волконская** распорядилась установить памятную стелу на своей вилле в центре Рима, на Аллее друзей (где также находились стелы и памятные знаки, посвящённые императрице Марии Фёдоровне, Карамзину, Баратынскому, Жуковскому, Гёте и многим другим, в основном из круга знакомых её и Пушкина). И сегодня на карте Рима значится этот адрес, и напротив той самой виллы можно найти мемориальную доску «Площадь Виллы Волконской (Piazza di Villa Wolkonsky)». Но, к сожалению, этот мемориал оказался разрушенным, а с 1947 г. вилла является резиденцией британского посла и с 2001 г. закрыта для посетителей. Уже с первой встречи княгини с Пушкиным в Москве, где она по традиции организует в 1824 году литературный салон (кстати, рядом с нынешней Пушкинской площадью), между ними возникает, видимо, некая духовная связь, так как княгиня **З. А. Волконская** была личностью выдающейся, обладавшей многими талантами, широкой образованностью, тонким вкусом... И не просто как по случаю знакомой заезжей красавице посвятил он ей стихотворение «Среди рассеянной Москвы...», а именно как «царице муз и красоты». А в Риме Зинаида Александровна сдружилась с **Н. В. Гоголем**, который тогда работал над «Мёртвыми душами» (идея кото-

рых родилась у него, как известно, из общения с Пушкиным). Она вообще популяризировала русскую культуру в Европе, но в то же время стремилась передать лучшие достижения европейского искусства на русскую почву. Она даже предложила Московскому университету осуществить проект Эстетического музея, для которого «русские скульпторы изготовили бы копии античных статуй» [«Телескоп». 1831. № 11. С. 385–399]; проект по экономическим причинам не был поддержан, но впоследствии всё же был реализован И. В. Цветаевым и ныне существует как Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Что касается порушенной «Аллеи друзей», то справедливо исследователь Л. И. Давыдова пишет о том, что здесь «мы имеем дело с феноменом музеефикации памяти...» [1], причём памяти о тех, кто был включён не только в ближний духовный круг хозяйки виллы, но и в соиздание мировой культуры и искусства. И хотя в Риме такая музеефикация памяти в итоге не состоялась (не по вине княгини), но вместо утраченной стелы (хотя осколок древних руин с высеченным на нём именем Пушкина сохранился) в Москве теперь существует ведущий в стране музей искусств с утвердившимся в народе (с 1937 года) названием «Пушкинский музей».

Следует заметить, что на 25-летие гибели А. С. Пушкина всё же была на официальном уровне попытка почтить его память: в 1862 году была отчеканена памятная медаль. Но год рождения поэта на ней был указан неправильно, и стала она лишь чрезвычайно ценной нумизматической редкостью.

Вот и у нас в Томске с памятниками Пушкину не всё гладко происходило. Краевед В. В. Манилов в госархиве Томской области среди документов по поводу празднования 100-летия со дня рождения Пушкина обнаружил следующий, от 6 апреля 1899 года [4]:

«По вопросу о расходах, к сему считаю долгом присовокупить, что мне уже поступил счёт от преподавателя Томской гимназии, художника А. Э. Мако, на уплату за материал, употреблённый на изготовление бюста поэта.

И. д. директора Ив. Курочкин» [ГАТО. – Ф. 126. оп. 1. д. 1211].

Александр Эдуардович (Иосифович) Мако – наследственный художник мюнхенской школы, но сибиряк по происхождению. О высоком уровне его профессионализма говорит хотя бы тот факт, что какое-то время он был придворным художником великого князя Михаила Александровича. Занимался он и скульптурой, и кажется естественным, что взялся и за «изготовление бюста поэта». Что за материал был употреблён на изготовление, нам не известно, а бюст предполагалось установить в качестве памятника в центре Пушкинского сквера, открываемого по случаю юбилея поэта возле тогдашней Бесплатной библиотеки и нынешнего речного вокзала. Сквер-то открыли. Но о памятнике вспоминали всё реже (как и всегда почти – из-за отсутствия денежных средств). Как утверждает В. Манилов: «Безусловно, этот бюст был не первым скульптурным воплощением Пушкина в Томске... К сожалению, представить, как выглядел этот бюст, мы не можем. Остаётся только надеяться, что, возможно, он где-то отражён в фотографиях того времени, обнаружить которые пока не удалось» [4]. Что касается предполагаемых предыдущих «скульптурных воплощений Пушкина в Томске», то представление о них, видимо, нам уже получить не удастся.

Конечно, исчезнувшие памятники забываются легко и быстро, ибо их уже нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни сфотографироваться на их фоне. Ещё легче забываются инициаторы и создатели этих памятников. Но хотелось бы, чтобы не исчезали они насовсем с полотна исторической памяти, так как эти люди проявили себя когда-то как истинные хранители нашего культурного наследия.

Всё же памятник Пушкину, предназначавшийся скверу его имени в Томске, появился в этом сквере (называемом также и садом), но гораздо позже 100-летнего юбилея поэта и, можно сказать, лишь по счастливому случаю. В августе 1914 года в городскую думу обратился гласный её (депутат) Н. А. Молчанов с заявлением: «Желая, хоть отчасти, способствовать украшению нашего города, предлагаю городскому самоуправлению разрешить мне поставить в Пушкинском саду металлический (под старую бронзу) бюст Пушкина (несколько больше естественной величины), на таком же металлическом пьедестале, вся высота сооружения около 4-х аршин [около 2,8 м – В.Б.]...». Городской думой дар был принят, и памятник был установлен в мае следующего года. Возможно, памятник был отлит с бюста, выполненного художником А. Э. Мако, но это только версия. Торжеств по открытию памятника Пушкину не проводилось, решили отложить до более «благоприятного времени», которого так и не случилось. Всё же в газете «Сибирская жизнь» за 13 мая 1915 г. была маленькая заметочка: «В Пушкинском саду поставлен памятник-бюст Пушкину. Приобретён памятник на пожертвованные г. Молчановым средства».

А кто же был этот почти неизвестный теперь в Томске господин жертвователь? И ведь, казалось бы, кто должен был проявить инициативу и мог вложиться финансово в это важное и знаковое дело? Конечно же – общеизвестный тогда уже просветитель – Пётр Иванович Макушин. Ан нет, за столько лет не озадачился и не раскошелится. Да и все другие меценаты и радетели о благах для народа не сподобились хотя бы в складчину вложиться в почтение памяти великого поэта. И понять-то их можно – наступали смутные времена: война с Японией, первая русская революция; хотя затем Россия рванулась резко к мировому лидерству, но началась Первая мировая война с её грядущей неопределённостью. В такие моменты всегда обостряется тревожная рачительность – не до хорошего.

И всё же нашёлся в столь трудное время единственный такой человек, который хотя бы на 115-ю годовщину Пушкина решил исправить духовную нерачительность томских меценатов, хотя сам и не был коренным томичом. По данным из книги Н. М. Дмитриенко [2] **Никон Александрович Молчанов** – купец, который изначально представлял в Томске интересы торгового дома «Собенников и братья Молчановы», учреждённого в 1890 году в городе Троицкосавске. Не надо искать это устаревшее название где-нибудь в пушкинских местах на старых картах европейской России. Находился он совсем в другой стороне, южнее озера Байкал, ибо это – нынешняя Кяхта, когда-то пропускной пункт на границе Российской империи с Китаем. В Томске Никон Молчанов заведовал конторой на Набережной Ушайки по оптовой продаже чая, имел и свою частную торговлю чаем и сахаром на той же улице, арендуя помещение в доме Е. И. Королёва. Купцы Молчановы происходили из ста-

рообрядцев. И они считались типичными кяхтинцами, которые отличались просвещённостью, что объяснялось, кроме прочего, и положением Кяхты на границе нескольких культур: европейской, русской, бурятской, китайской и монгольской. Заслуги Н. А. Молчанова перед Томском довольно велики, он даже удостоился сословного звания личного почётного гражданина, а также золотой медали «За выдающуюся полезную деятельность почётного блюстителя городских начальных школ». Будучи человеком весьма порядочным и ответственным, он входил в комитеты по управлению Томской биржи и Томского отделения Государственного банка [2].

Но не только качествами этого человека объясняется его, казалось бы, странный поступок. Разгадку такого культурно-патриотического порыва пришлого на томскую землю купца, мне кажется, надо искать в названии представляемого им здесь уездного городишки – Троицкосавск. Основанный одновременно с пропускным пунктом в 1728 году, он получил это название от воздвигнутого здесь сразу же Троицкого храма и от имени своего основателя. **Вот лишь самые краткие сведения об этом человеке: граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1669–1738)** – серб, потомок герцеговинских князей, рагузский и русский негоциант (купец), выдающийся сподвижник Петра I, оказавший существенное влияние на развитие экономики и культуры России, на формирование духовного единства славянских народов. Он осуществлял дипломатические миссии во многих южноевропейских странах, возглавлял русское посольство в Китай. Автор экономических, военно-политических и иных сочинений... Значимость фигуры Рагузинского не прошла мимо внимания А. С. Пушкина, который упомянул его в романе «Арап Петра Великого».

Но всё же, какое отношение может иметь данная персона к памятникам Пушкину? А очень даже большое, если не сказать – фатально предначертанное. Это у нас сейчас знают его лишь немногие историки и экскурсоводы Петербурга, множество скульптур для которого добыл в Италии именно он (в т. ч. через связи с двумя папами римскими). Но спросите любого уроженца Герцеговины, кто такой Владиславич, и вы тут же получите ответ: «Это наш человек, который подарил русским Пушкина!».

Среди причастных к появлению в России будущего крестника Петра I и прадеда А. С. Пушкина – Ибрагима (Абрама) Ганнибала – в информационных джунглях можно найти имена разных российских посланников в Османской империи и иных лиц (П. А. Толстой, Д. М. Голицын, Д. К. Кантемир и др.). Но в РГАДА (Российский государственный архив древних актов) есть запись в Посольском приказе от 13 ноября 1708 г. «о приезде из Константинополя грека Андрея Васильева, посланного от Саввы Рагузинского с тремя малолетними арапами». Кто и как добывал этих «арапчонков» – до сих пор до конца не ясно. Но очевидно, не все они были куплены на Стамбульском базаре, ведь операция эта проводилась во исполнение инструкции царя – «добыть негритьенка получше и искуснее» (он хотел доказать, что темнокожие арапчага к наукам и делам не менее способны, чем многие русские недоросли). Есть сведения, что Савва Лукич, используя свои обширные связи, добыл будущего прадеда Пушкина из числа заложников через знакомого визиря султанского двора. А это было весьма рискованным и опасным делом: не только умыкнуть, но и вывез-

ти за пределы Османской империи столь «ценный товар». Во всяком случае, не будь причастен к этому такой «человек проворный и пронырливый», как *Сава Владиславић* (так – по-сербски) – не засветило бы и «солнце русской поэзии». А как борцу за освобождение сербов и горячему стороннику сближения с Россией, ему уже при жизни на родине посвящались стихи, книги и даже народные песни. И не только на родине. Так, итальянский композитор Антонио Вивальди, пользуясь покровительством и финансовой поддержкой Саввы Владиславича, посвятил ему оперу «Истина в испытании».

Конечно же, Никон Молчанов, как потомственный представитель кяхтинской элиты, не мог не знать этих исторических сведений. И он, видимо, живя уже в Томске, посчитал своим долгом через памятник великому поэту почтить также и память человека, в определённом смысле «породившего» этого поэта и, к тому же, основавшего родной купцам Молчановым город. К сожалению, и этот памятник не сохранился. Он так же, как и самый первый, царскосельский памятный знак, пережил сначала «переселение»: в 1949-м, юбилейном году его перенесли от городской пристани во вновь учреждённый Пушкинский сад (бывший Буфф-сад), а затем он был варварски уничтожен в 1964 или 65 году, и сохранилась лишь семейная фотография со смутным его изображением, приведённая в статье В. В. Манилова [4].

Что касается интереснейшей личности незаслуженно забытого выдающегося человека – Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, всех дел и заслуг которого невозможно даже перечислить в данной статье, то многое о его предыстории и жизненном пути можно найти в книге Йована Дучича [3], предки которого были в родстве с Владиславичами.

И ещё кое-что хочется добавить к вопросу о реанимации памяти о великом сербе, образ которого всё более становится символом 12-векового нерушимого российско-сербского братства, и ставится уже вопрос о съёмках фильмов об этом человеке.

Профессор Радмила Дмитриевна Тонкович (лётчица ВВС Сербии, филолог, авиационный журналист и редактор, историк и переводчик) в материалах о графе Владиславиче-Рагузинском отмечает, что эта личность всё же оказалась в центре внимания российской науки и дипломатии в 2008 году в связи с составлением нового договора о границе между Китаем и Россией, что Владимир Путин пригласил по этому вопросу специалистов из РАН и был изумлён, когда ему подтвердили, что Русскую военную службу разведки ещё в 17 веке основал трижды граф (сербский, венецианский и российский) – этот любитель приключений, торговец, дипломат-разведчик, разработчик военных стратегий, экономист и даже литератор, который к концу правления Екатерины I стал одним из богатейших и влиятельнейших людей России и Европы [5].

При этом он до конца жизни ещё не забывал опекать и ограждать от всяческих гонений своего абиссинского арапчонка, вызволенного им когда-то из османского плена и ставшего крестником Петра Великого, главным военным инженером российской армии и прародителем «нашего всё» – основателя современного русского языка А. С. Пушкина. Уже только поэтому всем любителям и почитателям нашего литературного гения не грех бы ознакомиться с биографией графа Саввы Рагузинского, который умер в 1738 году и погребён

в крипте Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. А рядом с ним затем был погребён генералиссимус Александр Васильевич Суворов. И это вряд ли случайность, так как и этот великий полководец, и его последователи, победители Наполеона (Барклай-де-Толли, Кутузов, Александр I), использовали те стратегические постулаты, которые в качестве советов Рагузинский внушал Петру Первому при битвах, в том числе при Полтаве (воспетой, опять же, А. С. Пушкиным). А возможностью избрать военную карьеру Александр Суворов был обязан другу их семьи – Абраму Ганнибалу, убедившему его отца уступить наклонностям сына. Так что не только к литературной, но и к военной славе России в итоге оказался причастным славный сын православного сербского народа *Сава Владиславић* – искренний друг и верный служитель «России молодой», немало потрудившийся для её возрастания до великой державы к концу того славного 18-го века, в последний год которого (1799) родился А. С. Пушкин, а А. В. Суворов удостоился звания генералиссимуса. И дай Бог, чтобы эта двоякая слава России не меркла до скончания веков, чему память наша должна быть залогом.

Вот так истории памятников, даже уже не существующих, могут выводить нас на очень важные вехи истории страны и её культуры. Конечно, в судьбах памятников, как и людей, всякое случается. Не все они выживают в быстротечной смене времён и эпох, да и не все достойны долговечного существования и памяти о них. Но памятники, воздвигнутые по воле народа, стараниями и усердием его лучших представителей, а не по решениям временщиков в эпохи заблуждений, такие памятники достойны (при надлежащем уровне их исполнения) бережного к ним отношения со стороны общества и государства, ибо они и являются зримыми выразителями нашей памяти и многогранного российского национально-культурного кода.

Литература

1. **Давыдова Л. И.** Римская вилла Зинаиды Волконской как музей дружеского круга // Материалы международной конференции. Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России. – СПб., 2019.

2. **Дмитриенко Н. М.** Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 336 с. (См. на с. 179–180).

3. **Дучич Й.** Граф Савва Владиславич-Рагузинский. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. Перевод с сербского – Соколов В. – СПб., Изд-во Скифия, 2020. – 296 с.

4. **Манилов В. В.** Памятники А. С. Пушкину в Томске // Пушкинский Томск: краеведческо-библиографический сборник. – Томск, 1999. Публикация на сайте Томской областной библиотеки им. Пушкина (15.01.2021). <https://elib.tomsk.ru/purl/1-28714/>

5. Из рецензий к книге «Дучич Й. Граф Савва Владиславич-Рагузинский...». https://skifiabook.ru/store/hudozhestvennaya-literatura/klassicheskaya/item_181.html